

Brandner, Aleš

Существительные общего рода на -а (-я) со значением лица в современном русском языке

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 2004, vol. 53, iss. A52, pp. [47]-58

ISBN 80-210-3419-X

ISSN 0231-7567

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/101199>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

АЛЕШ БРАНДНЕР

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕГО РОДА НА -А (-Я) СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В русском языке категория рода присуща всем именным классам слов: в полной мере – классу существительных (кроме слов *pluralia tantum*), в несколько более ограниченной степени – местоимений, с еще большим ограничением – классу числительных и прилагательных, а также некоторым грамматическим формам глагола. Грамматическая категория рода служит основным средством выражения предметного значения имен существительных. Категория рода имен существительных по своему значению резко отличается от категории рода имен прилагательных и даже прошедшего времени глагола. Она является не только грамматической, но и лексической опорой значения предметности. Категория рода здесь представляет собой фактор словообразующий; определенные флексии и суффиксы оформляют группы имен определенного рода. Наоборот, у прилагательных, местоимений, порядковых числительных и глаголов (имеются в виду современные формы прошедшего времени, сослагательного наклонения и причастий) категория рода является фактором словоизменительным (ср. Брагина, 1981, 73).

Категория рода у существительных отчетливо обнаруживается только в формах единственного числа. Во множественном числе родовые различия оказываются уже в значительной мере стертыми. Как слова с предметным значением, все имена существительные в русском языке, за исключением употребляющихся только в форме множественного числа (*pluralia tantum*) и слов т. наз. общего рода, принадлежат к одному из трех грамматических родов – мужскому, женскому или среднему роду. Наиболее существенным признаком, выражающим категорию рода в русском языке, является связь согласования – синтаксически род существительного определяется формой согласованного с ним прилагательного (ср. Рожкова, 1987, 20).

Грамматические формы рода могут отражать конкретные половые различия, т. е. выражать естественный род. Однако у большинства имен суще-

ствительных отнесенность к тому или иному роду с точки зрения современного языка не мотивирована. Он кажется пережитком давних эпох, остатком иного язычного строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности.

Грамматическая категория рода характерна прежде всего для языков флективных, обладающих синтетической флексией. В этих языках богатство флективного изменения обычно сочетается с наличием грамматического рода и приемов согласования (ср. Исаченко, 1954, 71–73).

Многие языковеды выделяют существительные в славянских языках, обозначающих людей и животных в особую группу „одушевленных“ предметов. Например, В. В. Виноградов (1972, 58) говорит о „грамматической категории одушевленности и неодушевленности“. В пределах одушевленных существительных он усматривает особую грамматическую категорию лица. Последнее издание академической грамматики русского языка выделяет в отдельную группу имена существительные со значением мужского и женского пола – существительные-названия лиц (ср. Шведова, 1980, 467–468).

Значения мужского и женского рода реальнее, чем среднего рода. В названиях живых существ они связаны с представлением о естественном поле. Вместе с тем они крепче связаны грамматически параллелизмом и соотносительностью форм словообразования. В общем употреблении формы мужского и женского рода активнее, чем формы среднего рода. Нет сомнения в том, что грамматической базой родовых различий имен является в современном русском языке мужской род.

Из системы родовых соотношений имен существительных несколько выделяется довольно многочисленная, разнообразная и очень экспрессивная группа слов **общего рода**, оканчивающихся в именительном падеже единственного числа на *-а* (*-я*) и означающих лиц не только женского, но и мужского пола. Этот термин и понятие общего рода впервые ввел М. В. Ломоносов в своей „Российской грамматике“ – см. § 133–134 (ср. Козырева, 1969, 24).

Некоторые очень немногие из существительных, имеющих грамматические признаки женского рода, прямо указывают на лиц мужского пола (ср. *вельмóжа*, *воевóда*, *владýка*, *старéйшина*, *витíя* „*krasotečník*“, *стáроста*, *судýя* и некоторые другие). Однако разряд таких слов на *-а* (*-я*), принадлежащих только к мужскому роду, архаичен и непродуктивен. Подавляющее большинство подобных слов – общего рода. Современная научная грамматика видит в словах мужского рода на *-а* (*-я*) один из существеннейших грамматических признаков категории лица, выделившейся из общего значения предметности. Категория лица противопоставляется категории не-лица (ср. Виноградов, 1972, 66).

Слова общего рода на *-а* (*-я*) означают качества людей, связаны они с категорией лица и содержат яркую экспрессивную окраску. Это своего рода „признаковые“ слова, представляющие собой качественное

определение лиц (ср. Васченко, 1984, 62). Это разряд, состоящий из аппеллятивов. Сами по себе эти имена женского рода; искони в них выразилось понимание дела в женской форме слова. После понимание это перенесено было в действительности на лица мужского пола. Категория общего рода вобрала в себя ряд глагольных, например, причастных, и отглагольных образований (ср. *разíня* „čumil, zevloun“, *пустомéля* „tlachal, žvanil“, *рéва* „uřňukanec, uřvanec“, *зéва* „zevloun, otevřhuba“, *зудá* „dotěrný, neodbytný člověk“, *прóйдóха* „prohnaný, vychytralý člověk“, *непосéда* „neposeda“). Некоторые собственные имена и фамилии (ср. *иúда* „falešný člověk, jidáš“, *фефёла* „otevřhuba, neotesanec“), некоторые заимствованные слова (ср. *коллéга*, *канáлья* „ničema, darebák, loč“), а также формы субъективной оценки дополняют разряд слов общего рода на -а (-я).

Совмещение мужского и женского рода в большей части обозначений лиц на -а (-я) оправдывается их резкой экспрессивностью. В категории общего рода преобладают эмоционально-окрашенные слова, проникшие в литературный язык из живой устной речи и иногда носящие резкий отпечаток фамильярного и даже вульгарного стиля. В денотативном плане, т. е. с точки зрения выражения собственного содержания, основного значения, обозначают или отрицательные свойства, или свойства положительные. В коннотативном плане, т. е. с точки зрения выражения разного рода экспрессивно-оценочных оттенков, исследуемые существительные со значением лица представляют собой эмоционально-окрашенные и эмоционально-нейтральные слова (ср. Васченко, 1984, 63).

Внутри категории русских существительных общего рода на -а (-я) выделяются следующие разряды слов:

1. Малопродуктивным типом считаются отглагольные образования с живым суффиксом разговорной речи -ак(а), -як(а). Слова этого типа имеют яркую окраску фамильярной иронии или пренебрежения. Они характеризуют лицо по действию и производятся от глагольных основ с конкретно-бытовым значением, ср.: *гуля́ка* „zahaleč, povaleč, pijan, flamendr“, *зabия́ка* „gvač“, *зевáка* „zevloun, čumil“, *кривя́ка* „komediant(ka)“, *кусáка* „vztekloun, zlostný člověk“, *ломáка* „člověk, který se upejrá (dělá drahoty)“.

2. Более продуктивен тип отглагольных образований с живыми суффиксами разговорной речи -(а)л(а), -(и)л(а). Слова этого типа очень экспрессивны и обозначают лицо по его постоянной деятельности или признаку, ср. *верзýла* „žahoun, kolohnát“, *воротýла* (в биржевых кругах) „předák, vůdčí činitel, pohlavár“ (ср. *бáнковские воротýлы*), *вышибáла* „sprosták, hrubián“, *заводýла* „kápo, energický člověk, který táhne za sebou druhé“ (ср. *глáвный заводýла в клáссе*), *запевáла* „předzpěvoač, předzpěvák“ (ср. *голосýстый запевáла, запевáла в хóре*); в переносном значении: „přukopník, předák, osnovatel, strůjce“ (ср. *Комсомóльцы – запевáлы соревновáния*), *заправýла* „předák, pohlavár“, *зубрýла* „šprtoun,

šprták, šprtavka, bifloun“, *кутила* „hýřil, pijan, flamendr“, *объедала* „žrout, využířka“, *подлипала* „pochlebník, patolízal“, *подпевала* „přizpěvovač, ten, kdo přizpěvuje; в переносном значении: „přisluhovač, přitakávač“, *прилипала* „dotěrný, neodbytný člověk“, *приставала* „dotěra, dotěrný člověk, neodbytná ženská“ (ср. *Как отделиться от этого приставалы?*), *трепала* „kecal, tlachal, tlučhuba, treperenda“, *чудила* „blázen, potrhlý člověk“ (ср. *Чудила ты этакóй // этакáя!* – Ты jsi ale patron // blázen!). Эмоционально нейтральным является *подметала* „metař, metařka“, встречающееся особенно в профессиональном языке. По В. В. Виноградову (1972, 68), данный тип отглагольных образований – это один из самых производительных в диалектах и жаргонах устной речи разрядов слов общего рода.

3. Неодинаковы по степени продуктивности образования с уничижительным суффиксом разговорной речи *-шк(а)*. С этимологической точки зрения – это составной суффикс. Он включает в себя уменьшительно-ласкательный суффикс *-к-*, но облакает его оттенками фамильярного пренебрежения. Среди слов общего рода, оканчивающихся на *-шк(а)*, кроме *-ишк(а)*, *-ышк(а)*, ср. *захмурышка* „nevzhledný, zanedbaný človíček, šmudla“, *коротышка* „škvrně, mřně“, *мунышка* „malý lhář, prářil“, *приготовышка* „žák, žákyně připravné třídý“ (в переносном значении: *ты ведёшь себя как подготовышка* „chovář se jako malý kluk“, *это знаят все подготовышки* „to vědí i začátečníci“), *хвастунышка* „chvastálek, chluflek“, выделяются еще два непродуктивных типа:

а) слова с суффиксом *-ушк(а)*, ср. *болтушка* „tlachálek, žvanilek, žvanilka“, *вертушка* „větroplach, třeřtidlo“, *хохотушка* „smířek“; этот суффикс соотносится с суффиксами лица: *-ун* (ср. *болтун, вертун, хохотун*), *-ун(ья)* (ср. *болтунья, вертунья, хохотунья*) и присоединяется к глагольным основам;

б) слова с суффиксом *-ашк(а)*, ср. *двойнышка // устар. двойняжка* „dvojčátka“ (встречается также форма множественного числа *двойняшки* „dvojčata“), *замарашка* „umouněnes, špindíra, šmudla, šmudlík“ (чаще всего о ребенке), *побирашка* „žebrák, žebračka“; этот суффикс частью соотносительен с суффиксом *-ах(а)*, ср. *побираха*.

4. В кругу категории лица непродуктивен тип слов с увеличительным суффиксом *-ин(а)*, ср. *дубина* (в переносном значении) „pařez, dřevo, nemehlo, trdlo“, *жадина* „chamtivec, skrblík, lakota, držgreřle“, *молодчина* „chlapík, pařák“, *уродина* „mrzák, řereda, ohyzda, ohava“.

5. Малопродуктивен тип разговорно-фамильярных слов общего рода с экспрессивным суффиксом *-аг(а)*, *-яг(а)*, ср. *бедняга* „chudák, chuděra, ubožák“, *бродяга* „tulák, robuda“; в переносном значении: „psanec“, *деляга* „pracant, dříč“, *добряга* „dobrák, dobračka“, *доходяга* „vysílený, vyčerpaný člověk“, *здоровяга* „člověk zdravý jako řipa“, *миляга* „bodřý, správný chlapík“ (*миляга-пáрень* „sympatický chlapík“), *молодчага* „chlapík, pařák, kabřňák“, *плутяга* „prohnaný chlap, prohnaná ženská, podfukář, podvodnice“, *работяга* „pracovitý člověk, dříč, pracant“, *сердяга* „chudinka, chudáček“, *симпатыга* „velmi sympatický člověk“ (*симпатыга-пáрень* „prima

chlap“), *скря́га* „škudlil, škudla, lakota, mamonáf, držgrešle“, *скупя́га* „lakomec“, *стиля́га* „pásek, hejsek, výstředně oblečená dívka“, *трудя́га* „pracant, dřič“, *хитря́га* „mazaný, vychytralý člověk, lišák, liška podšitá“. Высказывалось мнение, что суффикс *-аг(а)*, *-яг(а)* вносит унизительный оттенок значения (ср. Vaillant, 1938). Однако слова вроде *бедня́га*, *добря́га* указывают на возможность и ласкательной, одобрительной окраски суффикса, ср. *молодча́га* „chlapík, pašák, kabrnák“.

6. Непродуктивен тип просторечных слов с презрительно-увеличительным или усилительным суффиксом *-уг(а)*, *-юг(а)*, ср. *ворю́га* „zloděj, holomek, darebák, neřád“, *делю́га* „pracant, dřič“, *жад(н)ю́га* „chamtivec, skrblík, držgrešle, lakomec“, *зверю́га* (в переносном значении) „bestie, netvor, zrůda“, *подлю́га* // *подлю́ка* „darebák, lump, ničema, podlá ženská“, *халу́га* „hrabivec, chamtivec, mamonáf, vydřiduch, vyděrač“, *хитрю́га* „mazaný, vychytralý člověk, lišák, liška podšitá“, *пьянчу́га* „chlástoun, ochlasta, ožrala“.

7. Непродуктивен тип разговорных слов с суффиксом *-к(а)* с глагольными и отглагольными основами, ср. *битка́* (в переносном значении) „šikovný člověk“, *вб́скачка* „šplhoun, kariérista“, *зазна́йка* „náfuka, nadutec, nafoukanec“, *зайка́* „koktal“, *ла́комка* „mlsoun, labužník“, *лежебо́ка* „povaleč, lenoch, flákač, pecivál“, *многозна́йка* „vševěd“, *недоу́чка* „nedouk“, *немогузна́йка* „váhavý, nepohotový člověk“, *невидímка* „člověk, který je pořád pryč, nelze jej zastihnout“, *писа́ка* „pisálek, škrabal“ (ср. *прода́жный* // *наёмный писа́ка* „prodejný pisálek“), *полузна́йка* „slabý odborník, člověk s povrchními znalostmi“, *попроша́йка* „dotěra, škemral, neodbytný prosebník“, *самоу́чка* „samouk“ (ср. *художник-самоу́чка* „malíř samouk“, *остря́к-самоу́чка* „nepodařený vtipálek“), *сластоёжка* „mlsoun“, *тарато́рка* „žvanil, tlachal, užvaněná ženská“, *трещо́тка* „žvanil, tlachal; člověk, který hlasitě bez přestání mluví (brebentí)“.

Есть, однако, также образования на *-к(а)* с именной основой, ср. *белору́чка* „běloručka, člověk vyhýbající se těžké práci, nezvyklý pracovat“, *злю́чка* (о детях) „vztekloun, zlostník“, *кривоше́йка* „člověk pokřiveného charakteru“, *малолётка* „nedospělý, nezletilý hoch; nedospělá, nezletilá dívka“, *малю́тка* „nemluvnátko, děťátko, robátko“, *неженка* „citlivka, netýkavka, zchoulostivělý člověk“, *одино́чка* „osamělý člověk, žijící bez rodiny nebo dělající něco sám, odděleně bez druhých“ (*жить одино́чкой* „žít o samotě, osaměle; *куста́рь-одино́чка* „soukromý malovýrobce, který pracuje sám, nikoho nezaměstnává“), *почемучка* „zvěдавé dítě, které se stále ptá: proč?“, *тэзка* „jmenovec, jmenovkyně“ (ср. *он мне* // *мой тэзка* „je to můj jmenovec“; *мы с ним тэзки* „jsme jmenovci“), *худы́шка* „chudinka, neduživý člověk, neduživé (slabé) dítě.

8. Единичны разговорно-фамильярные слова с непродуктивным презрительно-усилительным суффиксом *-юк(а)*, ср. *злю́ка* (обычно о детях) „vztekloun, zlostník“, *подлю́ка* // *подлю́га* „ničema, darebák, lump, podlá ženská“.

9. Непродуктивен тип отглагольных слов с пренебрежительным суффиксом *-x(a)*, ср. *замара́ха* „šmudla, umouněnes, špindíra“, *неря́ха* „nedbalec, nepořádník“, *неумё́ха* „budižkničemu, nemotora, pešika“, *растеря́ха* „popleta, zmatkař(ka), zapomnětlivec“, *распустё́ха* „nepořádný, nedbalý člověk, který se nestará o svůj zevnějšek“.

10. Узок ряд слов с непродуктивным презрительным суффиксом *-ox(a)*, ср. *запиво́ха* „ochmelka, ochlasta“, *крё́ха* „drobeček, malé drobné dítě“, *обиро́ха* „člověk, který někoho šidí (okrádá)“, *пройдё́ха* „prohnaný, mazaný chlap; mazaná ženská“. Большинство приведенных слов относится к вульгарному просторечию.

11. Единичны просторечно-презрительные слова с „мертвым“ суффиксом *-ыг(a)*, ср. *забулды́га* „ochlasta, ožrala“, *прощельи́га* „prohnaný chlap, lotr; prohnaná, fikaná ženská“, *торопы́га* „člověk, který stále někam pospíchá“, *свалы́га* „držgrešle“.

12. Малочисленна группа слов общего рода в разговорной речи с непродуктивным суффиксом *-с(a)*, обозначающим человека, склонного к неприятному крику (плачу), ср. *кри́кса* „ubřečenec“, *пла́кса* „uřňukanec, ubřečenec, uřvanec“, *хны́кса* „uřňukanec“.

13. Непродуктивен тип слов с суффиксом *-иц(a)*, *-йц(a)*, обозначающих лица по какому-нибудь действию (при глагольной основе), ср. *убийца* „vrah“ (ср. *самоубийца* „sebevrah“, *матереубийца* „vrah své matky“, *наёмный убийца* „najatý vrah“, *убийца брата* „bratrovrah“), *кровопийца* „krvežiznivec, krvelačnick, ukrutník; krvelačná, ukrutná žena“, или по какому-нибудь свойству, по склонности к чему-нибудь (при основе прилагательного) – с суффиксом *-иц(a)*, *-йц(a)*, *-ниц(a)*, ср. *пропойца* „ochlasta, ožrala, opilec“, *пьяница* „opilec, pijan“ (ср. *горький пьяница* „notorický alkoholik“), *тупи́ца* „tupan, omezenec, zabeďněnec“ (ср. *законченный тупи́ца* „úplný hlupák“), *умница* „rozumný člověk, chytrá, otevřená hlava“.

В. В. Виноградов (1972, 70) предполагает, что суффикс *-иц(a)*, первоначально не окрашенный эмоционально, приобретает при переносе на лица мужского пола (а затем, следовательно, и вообще в словах общего рода) яркий экспрессивный колорит отчасти под влиянием значений основ, отчасти под воздействием общей эмоциональной атмосферы, окружающей категорию общего рода. В группе слов с суффиксом *-иц(a)*, *-йц(a)* сталкиваются церковно-книжные отглагольные образования (ср. *убийца*, *самоубийца*, *матереубийца*) с разговорными словами, произведенными от основ прилагательных (ср. *тупи́ца*, *умница*, *пропойца*).

14. Единичны слова с „мертвым“, фамильярно-ироническим суффиксом *-ён(a)*, ср.: *гулё́на* „flákač, povaleč, flink“, *сласте́на* „mlsoun, člověk, který má rád sladkosti“.

15. Известны отдельные разговорные слова с непродуктивным ласкательно-шутливым суффиксом *-он(я)*, ср.: *тихо́ня* „tichošlápek, svatoušek“ (*прики́дываться тихо́ней* „tvářit se jako svatoušek“). В категорию

общего рода входят и отдельные слова с ласкательно-фамильярными суффиксами *-ул(я)*, ср.: *гряну́ля* „usmolenc, umouněnc, šmudla, špindíra“, *капризу́ля* „zlobivé, neposedné dítě“, *чистю́ля* „člověk, který má rád čistotu, velmi čistotný člověk, štící se každé špíny“, и *-уш(а)*, ср.: *копу́ша* „louda, loudálek“, *ми́луша* „miláček“.

16. Немногочисленны метонимические обозначения лиц по отвле-ченным качествам и действиям с суффиксами *-н(я)*, ср.: *размазня́* „nekřuba, neřika, bačkoga“, *ровня́ // ровня́* „člověk rovný jinému v něčem“ (ср. *Другие парнишки, егó-то ровня́, дразнили* – Ostatní chlapci, stejného věku, se mu posmívali) × антоним *неровня́ (он тебе́ неровня́*. „není ti roven, nehodí se k tobě“), *родня́* „пříbuzný“ (*он ей родня́*, „je s ní příbuzný“, *он мне родня́*, „je to můj příbuzný“), и *-т(а)*, ср.: *сиротá* „sirotek, osiřelé dítě“ (*кру́глый // кру́глая сиротá* „úplný sirotek“, *дети-сироты* „osiřelé děti“, *казáнский сиротá* „stejskal, skuhral, fňukal“.

17. Единичны просторечные слова *свято́ша* (в переносном значении) „svatoušek, pobožňůstkář“ и *чину́ша* „byrokrat, ouřada“.

18. Изолировано стоят *левша́* „levák“ и *правша́* „pravák“.

19. Засвидетельствованы отдельные просторечные слова с финалью *-д(а)*, ср.: *балда́* „hlupák, blbec, pitomec“, *ды́лда* „dlouhán, čahoun“.

20. Одинокó бранное выражение *стерво́за* (< стерв-оз-а) „potvora, mrcha, bestie“, которое производят из жаргона бурсаков или медиков (ср. Виноградов, 1972, 71).

21. Очень разнообразна, но в литературном языке непродуктивна группа слов с преобладающей глагольной основой и финалью *-а (-я)*, ср.: *брюзга́* „bručoun, mrzout“, *вы́жигá* „chytrák, lišák, vykutálený chlap, vykutálená ženská“, *горемы́ка* „nešťastník, ubožák, chudák“, *егоза́* (обычно о детях) „neposeda, šídlo“, *зади́ра* „popichovač(ka) hádek, podněcovatel(ka)“, *занозá* (в переносном значении) „jízlivý člověk“, *зуда́* „dotěrný, otravný člověk“, *кале́ка* „mrzák, invalida“; в переносном значении: (*психи́ческий*) *кале́ка* „úchylný člověk“, *книгоно́ша* (в библиотеке) „roznašeč(ka) knih“; „podomní prodavač knih“, *невéжа* „nezdvořák, hulvát, hrubý nevychovaný člověk“, *невéжда* „nevzdělanec, ignorant“ (*полне́йший неvéжда* „úplný ignorant“, *абсолóтный неvéжда в тэ́хнике* „úplný technický antitalent“), *недотро́га* „netýkavka“ (*разы́грывать из себя́ недотро́гу* „tvářit se netečně“), *непосéда* „neposeda“, *недотéпа* „nekřuba, budižkničemu“, (*за*)*ну́да* „nudný, otravný člověk, otrava“, *зéва* „čumil, zevloun“, *обжóра* „žrout, nenasyta“, *повéса* „větroplach“, *подли́за* „podlézavec“, *приверéда* „přliš vybíravý (náročný, rozmarný) člověk“, *приди́ра* „šťoura, osoba, které se nelze zavděčit, stále sekýruje kvůli maličkostem“, *притво́ра* „farizej, pokrytec; simulant“ (*это же изве́стный притво́ра* „to je známý simulant“), *прола́за* „mazaný, prohnaný chlap; mazaná, prohnaná ženská“, *проны́ра* „mazaný, prohnaný chlap; mazaná, prohnaná ženská“, *пустомéля* „užvaněný člověk, žvanil, plechová huba, tlachal, tlučhuba“, *раззя́ва* „roztržitý, nepozorný člověk, nepozora, zevloun“, *рази́ня* „nemehlo, nekřuba, trdlo“, *раскоря́ка* „člověk s rozkročenýma nohama od sebe“, *расте́па* „ošuntělý, nepořádně oblečený člověk“, *растя́па* „nemehlo,

nemotora, nešika“, *рѣва* „ubřečenes, uřňukanec, řvoun“, *рóхля* „budižkničemu“, *сónя* „spáč, ospalec“, *сорвиголовá* „odvážlivec; zřifeštěnes, uličník“, *су-етá* (= *суэтливый человек*) „uspěchaný člověk“, *сутяга* „milovník (milovnice) soudních sporů ve snaze něco vysoudit“, *юлá* (в переносном значении) „šídlo, neposeda“.

22. Следует дополнить отдельные бранные выражения, презрительные клички, иронически-пренебрежительные характеристики, ср.: *бўка* (в переносном значении) „mrzout, bubák, kakabus“ (*сидеть бўкой* „sedět jako bubák“, *смотреть бўкой* „hledět jako kakabus“), *дóка* „machr, mistr“, *мьямля* „aratický člověk, moula“, *простофíля* „hlupák, řulpas; nána, husa“, *фефёла* (в переносном значении) „řulpas, trdlo“, *ханжá* „farizej, pokrytec“, *шэльма* „podvodník, lump, darebák, lotr, ničema“.

23. К границам категории общего рода приближаются бранные обозначения, пренебрежительные или иронические клички, экспрессивные характеристики, вообще красочная вереница слов метафорически или метонимически применяемых к человеку независимо от пола. Ср.: *бэстия* „bestie, potvora“ (*продувнáя бэстия* „prohnaná bestie, mazaný chlap, mazaná ženská“), *верстá* – в сочетании *колóменская верстá* „dlouhý (dlouhá) jako bidlo“, *головá* (в переносном значении) „hlava, vedoucí“ (*сам себе головá* „je sám svým ránem“, *он /онá/ всему дѣлу головá* „je hlavou // duší celého podniku“), *душка* „andřlek, drahoušek, roztomilý člověk“ (в обращении: „dušinko, miláčku“), *змея* (о лъстивом человеке) „had, zmiје“ (*змея подколóдная* „zrádná zmiје“; *Не человек – змея!* – To není člověk, ale zmiје!), *канáлья* „podvodník, darebák, chytrák; potvora, neřád“, *крóшка* „malinké dítě, gobátko“, *лисá* „prohnaný, vychytralý člověk, lišák“, *пилá* (в переносном значении) „otrava“, *свинья* „neřád, dareba“ (*Какóй ты свинья, чтó меня не подождáл* – Ty jsi ale neřád, žes na mě nepočkal), *стёрва* „mrcha, potvora, bestie“, *тетэря* (ругательство: *глухáя тетэря* „hluchý jako pařez“), *шляпа* (в переносном значении) „bačkora, vařbuchta, budižkničemu“.

В этом кругу обращает на себя внимание процесс индивидуализации бранных слов, имеющих собирательное значение, но свободно применяемых к единичным лицам обоего пола, ср.: *гольтепá* „žebrota, lůza, holota“, *шантрапá* „ničema, darebák; ničemnice, darebačka“, *шáтия* „banda, sebranka“, *шпанá* „lumpi, sebranka, pakáž“, *шўшера* „sebranka, sběř, lůza, chamrad“.

Следует, однако, различать слова общего рода, в которых значение лица мужского пола выражается в формах мужского согласования (ср. *несчáстный горемыка* „nešťastník, ubožák“), от таких слов женского рода, применение которых к лицам мужского пола не вызывает изменений в их роде (ср. *тупáя пилá* „omezенec, zabeledнec“).

В. Васченко (1984, 60) напоминает, что в результате проведенной раньше эксцерпции имеющихся словарей, в русском языке содержится 385 лексических единиц, представляющих исследуемые апеллятивы. Материал, использованный нами в настоящей статье, был получен

прежде всего из списка субстантивов общего рода, который дается Г. И. Рожковой в приложении ее пособия, посвященного некоторым проблемам практической грамматики современного русского языка (ср. Рожкова, 1987, 151), отчасти также из пособий по русской грамматике; интересующие нас слова в них приводятся в качестве иллюстрации фактов, проходящих в излагаемом тексте. В общем нами указанные данные насчитывают около 200 лексических единиц. На наш взгляд, они могут послужить представительными примерами для анализа их функционирования в языке.

В категории общего рода господствуют субстантивы-апеллятивы на -а (-я), слова негативно-оценочные с яркой экспрессивной и эмоциональной окраской. Большая часть их принадлежит разговорному языку или фамильярному просторечию. Это существительные со значением лица, которые одной и той же формой конкретный грамматический род выражают только в контексте, синтаксически (т. е. путем согласования) или по смыслу, в соответствии с полом обозначенного лица. Функцию синтаксического показателя рода выполняют согласуемые в роде пояснительные слова – прилагательные, причастия, порядковые числительные, местоимения, глагольные формы прошедшего времени и сослагательного наклонения. В каждом конкретном употреблении пояснительное слово относится к существительному общего рода как определяющее к определяемому (ср. Молдаван, 1979, 113).

Отличительной чертой этих слов является двухстороннее родовое согласование, т. е. согласование как с определением, так и со сказуемым, ср. *Пришёл наш разíня* (при обозначении лица мужского пола) *Х Пришла́ наша разíня* (при обозначении лица женского пола). Род таких образований выражается „вне“ данных слов, т. е. аналитически. Однако при этом важно иметь в виду следующее:

1. При атрибутивном словосочетании форма женского рода является немаркированным членом родополовой корреляции, т. е. сочетание *кру́глая сиротá* может быть отнесено к лицу и женского, и мужского пола, а словосочетание *кру́глый сиротá* маркировано, так как может быть отнесено только к лицу мужского пола, ср.: *о́на сиротá, о́на была́ сиротóй* – *он сиротá, он был сиротóй, о́на кру́глая сиротá* – *он кру́глый // кру́глая сиротá; о́на оста́лась кру́глой сиротóй* – *он оста́лся кру́глым // кру́гой сиротóй* (ср. Ропеля, 1953, 292–293; Брагина, 1981, 73). Иногда существительные общего рода могут быть, однако, употреблены как слова мужского рода и в применении к лицу женского пола (ср. *Нíна Владíмировна Потáпова* – *наш шко́льный заводíла*) и, наоборот, слова женского рода – в применении к лицу мужского пола (ср. *Том оказа́лся хотя́ и до́брым па́рнем, но изря́дной размазнéй*). Такое употребление нормально. Оно отличает слова общего рода от слов типа *ста́роста, судья́* (ср. Шведова, 1980, 466).

2. Со словами типа *ста́роста, судья́, колле́га, глава́* при атрибутивном словосочетании немаркированной является форма мужского рода, ср.:

она́ староста, она́ была́ староста – он староста, он был староста; она́ хоро́ший // хоро́шая староста – он хоро́ший староста; она́ была́ хоро́шим // хоро́шей старостой – он был хоро́шим старостой (ср. Рожкова, 1987, 30).

Иными словами, словосочетание *хоро́ший староста* может быть отнесено к лицу и мужского, и женского пола, словосочетание *хоро́шая староста*, употребляемое особенно в нелитературном языке – только к лицу женского пола. Наоборот, в сказуемом происходит согласование по естественному роду.

Сущность грамматической категории общего рода состоит в том, что существительные общего рода в отличие от „родонеизменяющихся“, прикрепленных к одному определенному грамматическому роду – слова „родоизменяющиеся“ (ср. Шанская, 1959, 12). Одна и та же форма с флексией *-а (-я)* в зависимости от пола, обозначенного в контексте лица, соответственно принимает значение конкретного грамматического рода, выступает то как существительное мужского рода при обозначении лица мужского пола, то как существительное женского рода при обозначении лица женского пола.

В настоящей статье анализировались нарицательные существительные общего рода на *-а (-я)*, обозначающие лиц (в стороне мы оставили более многочисленную группу уменьшительно-ласкательных форм, образованных от личных имен – тип „Саша“).

К следующей группе существительных общего рода фактически принадлежат такие слова, как *секретáрь, врач, дирéктор, хиру́рг, председáтель, реда́ктор, кондúктор...*, называющие лицо по общественному положению, роду деятельности. На самом деле эти слова в грамматическом отношении не стали словами общего рода, а остались существительными мужского рода. В отличие от предшествующего подкласса эти существительные не могут согласоваться с атрибутивными прилагательными или местоимениями женского рода (ср. *Она́ – прекра́сный педагóг*). Только в нелитературном языке встречаются конструкции типа *Она́ – óпытная врач*. В предикативном употреблении прилагательное согласуется с естественным родом (ср. *Дирéктор – óчень стрóгая*). Функционированием этих существительных в современном русском языке в сопоставлении с ситуацией в современном чешском языке мы занимались в работе, опубликованной в предшествующем номере настоящего сборника (ср. Brandner, 2003).

К разряду существительных общего рода относятся далее заимствованные слова, как *визави́, я́нки, ку́ли, хаджи́, кенгуру́, шимпанzé ...*. Как следует из вышесказанного, они не были предметом нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- АЛЕКСЕЕВА, А. П.: *Некоторые наблюдения над употреблением слов общего рода в современном литературном русском языке XX века*. In: Вопросы русской и чувашской филологии. Чебоксары, 1971, 149–155.
- БРАГИНА, А. А.: *Наблюдения над категорией рода в русском языке*. ВЯ 1981, 5, 68–78.
- ВАСЧЕНКО, В.: *Грамматическая категория общего рода в русском языке*. ВЯ 1984, 5, 60–68.
- ВАЛГИНА, Н. С. – РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э. – ФОМИНА, М. И.: *Современный русский язык*. Издание шестое, переработанное и дополненное. Москва, „Логос“, 2001.
- ВИНОГРАДОВ, В. В.: *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Издание второе. Москва, „Высшая школа“, 1972.
- ИОМИДИН, Л. Л.: *О русскиѣх существительных так называемого общего рода*. ИЛЯ 39 (1980), 456–461.
- ИСАЧЕНКО, А. В.: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Братислава, Изд-во Словацкой Академии наук, 1954.
- КОЗЫРЕВА, Т. Г.: *Современный русский язык. Имя существительное*. Минск, „Высшая школа“, 1969.
- КОПЕЛИОВИЧ, А. Б.: *К вопросу о кодификации имен существительных общего рода*. In: Грамматика и норма. Москва, ИРЯ АН СССР, 1977, 178–192.
- МАКСИМОВ, В. И.: *Об одном типе существительных общего рода*. РЯШ 1971, 5, 68–70.
- МОЛДАВАН, И. П.: *О существительных общего рода*. In: Вопросы практической лексикографии. Ленинград, ИРЯ АН СССР, 112–117.
- РОЖКОВА, Г. И.: *Очерки практической грамматики русского языка*. Издание второе, исправленное. Москва, „Высшая школа“, 1987.
- ТАРАСЕНКО, Р.: *Об употреблении существительных общего рода в предложении*. РЯШ 1977, 6, 98–100.
- ШАНСКАЯ, Т. В.: *Слова общего рода в русском языке*. РЯШ 1959, 5, 12–17.
- ШВЕДОВА, Н. Ю. (ред.): *Русская грамматика I*. Москва, „Наука“, 1980.
- ЭГЕРМАН, Л. Ю.: *К вопросу о причине двойного согласования имен существительных общего рода в русском языке*. Известия Воронежского государственного педагогического института 150 (1975), 63–69.
- BRANDNER, A.: *Особенности выражения категории рода у одушевленных существительных в русском и чешском языках*. SPFFBU A 59 (2003), 13–24.
- HAVRÁNEK, B. (red.): *Přítušní mluvnické ruštiny pro Čechy I. Hláskosloví a tvarosloví*. SPN, Praha 1976.
- KUBÍK, M.: *Rod podstatných jmen*. In: Gramatické stati z ruštiny. SPN, Praha 1956, 23–50.
- POPELA, J.: *Příspěvek ke kategorii jmenného rodu v ruštině*. Sl 22 (1953), 292–293.
- ŠUTRAN, M.: *К вопросу о существительных общего рода в современном русском языке*. RJ 26 (1973/74), 447–454.
- VAILLANT, A.: *Le suffixe russe -jaga*. RES 16 (1938), 77–79.

SUBSTANTIVA SPOLEČNÉHO RODU OZNAČUJÍCÍ OSOBY SE ZAKONČENÍM NA -А (-Я) V SOUČASNÉ RUŠTINĚ

V ruštině jsou substantiva podřizena rodové kategorii. Živé bytosti se pojmenovávají ve shodě s přirozeným, biologickým rozlišením rodovými podstatnými jmény mužského nebo ženského rodu. Mezi těmito pojmenováními bývá přímá korespondence. Ve většině případů se vytvářejí tzv. rodové dvojice.

Zvláštní skupinu tvoří jména obourodá: jsou to jména osob na -а (-я) (srov. *сиротá, невѣжда, сóня*), převážně silně citově zabarvená, která nazývají určitou osobu podle jejích charakteristických vlastností, obvykle záporných (srov. *егозá „neposeda“, обжóра „nenasyta“, скрýга „lakomec“, сóня „ospalec“, плáкса „ufňukanec“*). Vyskytují se často v řeči lidové a odtud pronikají

i do jazyka spisovného. Jejich rod (mužský nebo ženský) se vyjadřuje shodou ve větne souvislosti (srov. *он страшный // страшная плакса – она страшная плакса; она осталась круглой сиротой – он остался круглым // круглой сиротой*).

V předkládané studii se na shromážděném materiálu demonstuje fungování těchto substantiv v současné ruštině.